

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

«Мой лучший друг товарищ Сталин»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Радзинский, Э. С.
Р15 «Мой лучший друг товарищ Сталин» / Эдвард Радзинский. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Апокалипсис от Кобы)
ISBN 978-5-17-097086-5

Это рассказ человека, который провел всю жизнь рядом с Кобой-Сталиным. (Коба — герой грузинского романа «Отцеубийца» — партийная кличка Сталина).

Он начал писать свои «Записки» революционером и закончил в глубокой старости обломком исчезнувшей великой Атлантиды — страны по имени СССР. В них он пытается объяснить себя тогдашнего, который так легко убивал во имя Революции, и описать своего лучшего друга, законного сына нашей кровавой Революции — Иосифа Сталина.

Эти «Записки» — голос «России кровью умытой».

Эдвард Радзинский

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

Радзинский Эдвард Станиславович

«Мой лучший друг товарищ Сталин»

Ведущий редактор М. П. Николаева
Корректор И. Н. Мокина
Технический редактор Т. П. Тимошина
Компьютерная верстка В. В. Брызгаловой

Подписано в печать 14.02.2016. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 27,29
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

ISBN 978-5-17-097086-5

© Радзинский Э.С., 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2016

КНИГА ВТОРАЯ

ГИБЕЛЬ ВОГОВ

(Продолжение)

ДОМА

Меня привезли домой. Жена бросилась мне на шею. Ее руки и руки дочери обнимали меня. Мои щеки вмиг стали мокрыми — они обе плакали. Я, к сожалению, так и не научился плакать.

Мы вместе выпили чаю, уложили спать Сулико...

Всю ночь жена рассказывала мне свою историю, испуганно глядя на мой шамкающий рот с выбитыми зубами. Хотя со мной, что называется, всего лишь пошутили, после этих шуток я вышел седым, беззубым, похожим на тень. Я похудел на пятнадцать килограммов.

Как я и ожидал, тотчас после моего ареста забрали бедную жену. Ее отправили в Саратовскую пересылку, Сулико отвезли в детский дом. Жена рассказала мне про быт своей тюрьмы. Заключенные не помещались на нарах и лежали даже под нарами. Ее и еще нескольких женщин держали в коридоре... Находиться в коридоре считалось большой привилегией, ибо там окна не оборудованы намордниками и можно смотреть на улицу. Но лежать на полу было смертельно холодно. Первое время они спали вповалку, согревая друг друга, потом запретили и это. В пересылке были жены вчерашних владык — Белы Куна, Ягоды. (Последняя — двоюродная сестра моего следователя Свердлова. Там же была ее мать — родная сестра товарища Свердлова, памятники которому стояли по всей стране. Потом их увели, говорили, что расстреляли...) Старуха Свердлова получала письма от внука, которого отдали в детский дом, и читала их вслух. Жена запомнила одинаковое начало всех писем: «Дорогая бабушка, милая бабушка, опять я не умер и вот пишу к тебе...» Жена слушала эти строч-

Эдвард Радзинский

ки и с ужасом представляла, что переживает наша дочь, которую отдали в такой же детский дом...

Но ужас продолжался недолго. Уже вскоре ее отвезли обратно в Москву. Экскурсия в ад счастливо закончилась. Сказали, что произошла ошибка. В квартире ее ждала наша Сулико, успевшая переболеть в детском доме всеми детскими болезнями.

С этих пор им регулярно выдавали мою зарплату, на нее они жили. Так что не только Фудзи вспоминал о Кобе, но и Коба помнил о своем друге Фудзи.

Итак, я был на свободе. Я не очень понимал, где теперь работаю. И решил позвонить другу Кобе. Меня с ним не соединили. Но Поскребышев сказал обычным, насмешливо бесстрастным голосом, что товарищ Сталин меня непременно примет. Однако произойдет это не сразу, товарищ Сталин очень занят. Что касается работы — пока я должен сидеть дома. Зарплату (прежнюю) мне будет приносить на дом почтальон.

Так я вновь оказался без дела. Я пошел в библиотеку и внимательно просмотрел газеты, вышедшие в мое отсутствие. Точнее, одну газету — «Правду». В ней главные статьи редактировал сам Коба. Остальные центральные издания (их было несколько) должны были повторять ее материалы, пересказывая их своими словами. «Правда» по-прежнему славилась железного наркома Ежова. Его наградили орденом Ленина — за «исключительные заслуги в деле уничтожения троцкистско-зиновьевских бандитов».

Пока мои коллеги чекисты выбивали мне зубы, страна торжественно отпраздновала двадцатилетие родных органов — ЧК-ОГПУ-НКВД, — отцы-основатели которых один за другим исчезали в этом юбилейном году в бездонной могиле Донского монастыря.

Но как же я изумился, читая отчет об этом праздновании! Происходило оно в Большом театре. Присутствовало все нынешнее Политбюро, *кроме... Кобы! Он не приехал на чествование своих любимых «чекистов», своего любимого наркома!*

Всю официальную часть вечера привычно величали карлика. «Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учится у товарища Сталина...» — произнес в официальном докладе Микоян. Думаю, очень испуганный Микоян. Ибо он на-

«МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ ТОВАРИЩ СТАЛИН»

верняка понимал: Коба мог не приехать только в одном случае: если начал отстраняться от ежовских дел.

Коба появился лишь после официальной части, во время праздничного концерта.

Неужели «мавр сделал свое дело»?

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ФИНАЛ ТРИЛЛЕРА

В начале марта тридцать восьмого года в течение десяти дней проходил процесс по делу «правотроцкистского блока»... Перед судом предстали Бухарин, Рыков и их «соратники» по заговору — Ягода (!), ленинские сподвижники Крестинский, Раковский, руководители узбекской и туркменской компартий, главы Народного комиссариата финансов, кооперации, земледелия, медицинские светила...

Этот процесс был финалом пьесы — и концом ленинской партии.

Наверное, все эти вчерашние соратники Ильича думали о том же, о чем думал я: доживи Ленин до этих дней — сидел бы на процессе рядом с ними!

Надо прямо сказать: финал, сочиненный моим другом, был не только захватывающим, но и охватывающим.

Как и положено, в заключение писатель Коба решил объединить все нити сюжета. Оказывается, «левые» — Троцкий, Зиновьев, Каменев и «правые» — Бухарин, Рыков и т. д. лишь делали вид, что боролись друг с другом. Они всегда были заодно. И действовали совместно. По заданию многочисленных западных разведок занимались диверсиями, террором, убийствами, готовили нападение на страну, расчленение нашей великой державы...

Коба был щедр на ужасы. Выяснилось, что Бухарин являлся давним заклятым врагом нашей любимой родины. Уже в восемнадцатом году он собирался убить Ленина и Сталина и захватить власть. Впоследствии вместе с Зиновьевым, Каменевым, Троцким составил невиданный по мощи заговор. Для этого зиновьевско-троцкистско-бухаринские агенты проникли в руководство НКВД. Их ставленником был сам глава НКВД Ягода. Он и его подручные все эти годы прикрывали заговорщиков. Вот причи-

на, по которой так долго не могли их раскрыть. Гигантский военно-политический заговор, как Левиафан, обвинил всю верхушку страны. Заодно с партийными функционерами, работниками НКВД, в нем участвовали знаменитые герои Гражданской войны. Коба ввел в сюжет и любимый элемент детективной литературы — яды. Для этого он легко пожертвовал лучшими врачами Кремлевской больницы (тогда он был здоров и в них не нуждался). Как и положено при сочинительстве, Коба использовал реальность, и в повествовании упоминалась даже секретная лаборатория Х. Кремлевские врачи признались, что по заданию оппозиционеров отравили изготовленными ею ядами руководителями государства и великого пролетарского писателя Горького.

Как и положено, в финале процесс ответил на все недоуменные вопросы страны. Почему так много аварий в промышленности? Не потому, что люди работали на допотопном, изношенном оборудовании. Виноваты вредители. Пятаков — один из главных руководителей промышленности и его многочисленные подручные в руководстве наркомата получали от самого Троцкого секретные инструкции вредить. Почему случились страшный голод и бессудные расстрелы в коллективизацию? Здесь по заданию Бухарина тоже поработали вредители. Нарком земледелия Чернов прославился террором в деревне в тот период. Не беда, что все в нашей партии знали: Чернов и Бухарин ненавидели друг друга и боролись друг с другом. Коба научился переделывать прошлое. И вот уже сам Чернов рассказывает на процессе, как, будучи тайным сподвижником Бухарина, вредил по его заданию. Надо было объяснить народу, почему в стране побеждающего социализма так плохо с самым насущным. Отчего периодически исчезают хлеб, масло, сахар... И вот уже глава Центросоюза Зеленский подробно описывает, как умело создавал продуктовый дефицит и очереди в магазинах... по заданию Бухарина — Троцкого!

Все процессы начались с убийства Кирова. Все это время рядовые партийцы не переставали шептаться (это при царе можно было говорить вслух, а у нас — только шептаться). Недоумевали, болезненные: почему так подозрительно странно погиб хозяин Ленинграда? И вот теперь все разъяснилось. Оказывается, убийство организовали Ягода и его ставленники в НКВД! Опять же по

«МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ ТОВАРИЩ СТАЛИН»

заданию Зиновьева — Троцкого — Бухарина! Вот о каких безднах человеческого падения узнала страна. Блистательное завершение долгого повествования!

Процесс, подобно предыдущим, прошел как по маслу. Я читал о нем в газетных отчетах. Мой несчастный сокамерник и все участники, знаменитые старые большевики, с подробностями рассказывали, как они губили Страну Советов. Ягода во время процесса вдруг встал на колени и заплакал. Просил сурово покарать его.

Только Крестинский отказался от показаний, данных на следствии. Но уже на следующий день объявил, что это произошло от стыда... Нелегко, дескать, отвечать публично за свои страшные деяния. Думаю, и эту детальку сочинил мой взыскательный друг, автор триллера. Больно уж недоумевали на Западе, читая о покорных признаниях обвиняемых...

12 марта процесс подошел к концу. В своей заключительной речи «любимец партии» признал свое участие во всех этих ужасах, правда, как бы между прочим сказал, что «признание обвиняемого есть средневековый юридический принцип доказательства вины».

13 марта Бухарина, Рыкова, Ягоду и почти всех остальных участников процесса приговорили к расстрелу.

15 марта приговор привели в исполнение...

Коба, знавший о мечтах и страхах Бухарина, был беспощаден до конца. Бедному Бухарчику не позволили проститься с женой. И его расстреливали последним. Коба дал ему время много раз пережить смерть...

Я представил, как его свели в расстрельный подвал. Как он увидел валявшихся в углу, с бирками на ногах. И что испытал этот несчастный.

«ЗЕМЛЯ ОВЕТОВАННАЯ» КОБЫ

Коба неутомимо трудился, уничтожая прошлое. Расстреляли эсеров. «Краса и гордость русской Революции» — бесстрашная террористка Мария Спиридонова, и непримиримый борец с эсерами, ее враг — шеф жандармов

Джунковский, и министр юстиции Временного правительства Малянтович, укрывавший у себя большевика Антонова-Овсеенко, и сам большевик Антонов-Овсеенко, объявивший низложенным Временное правительство, и царские генералы, признавшие советскую власть, и царские генералы, ее не признавшие, и боровшиеся с этими генералами знаменитые герои Гражданской войны, — все отправились в особые тюрьмы НКВД, в этот ноев ковчег, где было «каждой твари по паре». И все они были расстреляны.

Добили прежнюю кремлевскую верхушку — членов Политбюро Рудзутака, Косиора, Постышева. Шла прополка моего ведомства. Получил свою пулю и великий выдумщик головоломных операций чекистов — Артузов...

Артузов, Москвин-Трилиссер, Агранов, Мессинг — расстрелянные отцы нашей спецслужбы. Все они были моими руководителями в разные годы. Жаль, что я так и не успел написать о них подробнее. Нынешний мой рассказ об их убийце — о моем великом друге.

Уничтожение велось тотальное. Пока я сидел, железный нарком Ежов (читай — Коба) выпустил приказ № 00447. Я прочел его, уже вернувшись на Лубянку. Оказалось, с 5 августа 1937 года все начальники провинциальных управлений НКВД проводили фантастическую по размаху операцию.

Были арестованы *все* антисоветские и социально опасные элементы. Сюда вошли еще не арестованные или арестованные прежде и выпущенные на свободу аристократы, царские чиновники, кулаки, эмигранты, вернувшиеся в СССР, церковники, сектанты. Их бессудно судили «тройки» — местный руководитель НКВД, местный партийный руководитель, местный глава советской власти или прокурор.

«Тройки» имели право выносить смертный приговор, не считаясь с нормами судопроизводства. Подсудимый при решении своей судьбы не присутствовал. Суды «троек» занимали все те же десять минут: расстрел — первая категория или от восьми до десяти лет — вторая.

Мечта безумного Ткачева окончательно стала явью...

«МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ ТОВАРИЩ СТАЛИН»

Осужденные по второй категории (всего лишь (!) восемь-десять лет) отправлялись в лагерь. Небывалая в истории армия новых рабов поступила в это время в распоряжение ГУЛАГа.

Прошел месяц после моего освобождения, когда занятый истреблением прошлой жизни Коба наконец-то вспомнил обо мне...

Я вновь шел по второму этажу Кремля, по красной ковровой дорожке, к его кабинету.

В приемной, как и раньше, трудились три неприметных человека. За центральным столом — начальник Секретариата Кобы Поскребышев — в зеленом кителе, с яйцевидной лысой головой. У него по-прежнему тихий бесстрастный голос. И две интонации — равнодушно-насмешливая или бесцветно-сухая:

— Товарищ Сталин вас ждет.

Вошел в знакомый кабинет. Коба сидел за столом, на котором, как всегда, были аккуратно сложены бумаги. Привычным кивком показал мне на придвинутый к его столу длинный стол, покрытый зеленым сукном.

Я сел. Он напротив. Трубка в согнутой левой руке. Чиркнул спичкой, закурил.

Спросил весело:

— Говорят, сильно шпионил в пользу Японии?

Я промолчал.

— Хочешь поехать отдохнуть после ежовского санатория? — и, вздохнув, прибавил: — Ошиблись мы в твоём (!) Ежове. Надо тщательно проверить этого господина. Думаю, товарищ Берия сумеет это сделать... Ты ведь знаком с Лаврентием? Он скоро будет в Москве...

(Значит, карлику конец!)

— О подлеце... — (Бухарине) — расскажешь подробнее. Мы ведь тебя в командировку к нему послали. Жаль, конечно, что зубы выбили. Переусердствовали — строгая организация... А может, чтоб выглядел правдоподобнее. — Он прыснул в усы.

— Он очень боялся смерти и очень был предан тебе, Коба. — И я начал рассказывать.

Он прервал брезгливо:

— Это все он мне написал, и эту ложь я уже читал. Запомни правду: он убил Надю, оставил меня вдовцом, а моих детей — сиротами. И почему-то думал, что это ему сойдет. Я его в свою квартиру поселил. Думал, раскается, а он... спокойно ебался там со своей молодой жопой. В Париже тотчас побежал к меньшевикам — говорить про меня гадости. Причем такие, что даже ты испугался мне передать. Он же типичная баба. И как все бабы — проститутка. Сегодня со мной, завтра с Зиновьевым, Каменевым или Даном. Выпусти его из тюрьмы — и все повторится. Товарищ Сталин прав? — Он яростно поглядел на меня.

И я ответил:

— Ты прав, Коба.

Но он понял, о чем я думал. И сказал:

— Надо было подержать тебя *там* парочку годков, чтоб до конца осознал, как нужно ценить жизнь на воле...

Я шел по Тверской (теперь она называлась улицей Горького). На меня смотрели все те же огромные плакаты, где гигант Ежов душил многоголовую гидру. А сам он уже был обречен.

Первые дни после освобождения я очень мучился, стоит ли идти к бухаринской жене. Но вскоре узнал, что мучился зря — идти было не к кому. Все жертвы бедного Бухарчика были напрасны, ее арестовали следом за ним. Он, несчастный, все посылал ей письма, которые оставлял у себя следователь Андрей Свердлов, окруженный собственными убиенными родственниками.

В нашем подъезде Дома на набережной было, если не ошибаюсь, тридцать две квартиры, и на дверях двадцати девяти уже красовались печати — хозяев арестовали.

Вернувшись, я поначалу просыпался каждую ночь, пугая криком жену. Снилось, что за мной пришли.

В сентябре Коба позвал меня на дачу. Он сидел на солнечной веранде. Был веселый, счастливый. Как всегда, начал говорить, будто мы только что прервали беседу. (Будучи церемонным с незнакомыми, он не церемонился с близкими и соратниками. «Обойдетесь без мерехлюндий» — так он любил говорить.)

— Мы тут решили передать гостиницу «Националь» в ведение вашего НКВД. — («Националь» был самой шикарной гостиницей в Москве с окнами на Кремль.) — Так будет удобнее следить за засранцами. А тебе — вербовать...

«Иностранцы — засранцы» — эту шутку он придумал тогда. Теперь коридорные, обслуга становились нашими сотрудниками, что, конечно, облегчало работу.

На столе я увидел только что вышедшую книгу — стенограммы последнего процесса над Бухариным и прочими. Коба заметил мой взгляд.

— «Он тебя любит», — передразнил он меня. — А подлец и здесь оказался двурушником. Мне писал в письмах, что разоружился, а на процессе начал юлить, пытался намекать, что все его признания ничего не стоят. Хотел обмануть нас!

— Что ты, Коба, я читал отчеты в газетах...

— Я же сказал: он хотел... Хотеть-то хотел, да кто же ему даст. — Он хлопнул рукой по книжке.

Как же я мог не понять?! Все отчеты в газетах, все стенограммы процесса тоже редактировал мой неутомимый трудолюбивый друг Коба!

Он походил по комнате и вдруг сказал:

— Прошло двадцать лет после Революции — только двадцать лет. Когда мы начинали, земля обетованная социализма казалась такой близкой. Через пару лет она показалась нам недостижимой. Ведь так? Но вот сейчас достигли этой земли, осуществили все мечтания Ильича: в экономике навсегда уничтожен частный сектор, а это значит — навсегда покончили с капитализмом, коллективизирована деревня. Жалкую аграрную страну швырнули в индустриализацию. За смешной срок построили каналы, современные заводы, шахты, фабрики. В наших руках — беспрецедентные производительные силы. У нас мощная армия, молодая, единая — кто в этой армии посмеет нынче даже подумать о мятеже? Во главе государства стоит партия. Кто в этой новой, очищенной партии посмеет подумать об оппозиции? Кто в нашей стране посмеет усомниться в господстве этой партии? Невывалое единство нашего общества создано. Вот вам ответ на вопрос: зачем были жертвы. Вам, не понимающим Кобу! — Он

весело погрозил коротким толстым пальцем, добавил: — Завтра возвращайся на Лубянку. Все, как прежде. Ты подчинен мне напрямую. Берия об этом знает.

Я ехал домой и думал: «Да, он создал новую страну. И он единственный властелин в этой стране. Но я принадлежал к той, старой, уничтоженной им жизни и партии. Зачем же он выпустил меня из тюрьмы? И на сколько? Что он еще придумал?»

ГИТЛЕР РАЗРУШАЕТ ЕВРОПУ

Отныне у меня было два кабинета — на Лубянке и в наркомате иностранных дел. Официально я числился в наркомате и там теперь в основном и работал. Ходить по коридорам Лубянки было неприятно, я слишком хорошо помнил, как меня водили на допросы.

В это время Гитлер начал осуществлять обещанное в «Майн Кампф».

Захвачена демилитаризованная Рейнская область! Гитлеровские генералы в страхе ждали военного ответа, но Европа стерпела! Захвачена Австрия! И опять Европа проглотила. Из европейского порядка, определенного Версальским договором, Гитлер начал вынимать краеугольные камни.

Следующим выбитым камнем стали Судеты. (Они были переданы Чехословакии по Версальскому миру. В этом красивейшем горном районе проживало в большинстве своем немецкое население.) Гитлер помнил фразу Бисмарка: «Кто владеет Судетами, владеет Центральной Европой». И уже вскоре его агенты подготовили мощные демонстрации немцев, проживавших в Судетах. Гитлер инсценировал вспышки насилия, в геббельсовской прессе печатались истеричные материалы о зверствах чехов над поработенными немцами, немецкая партия в Судетах организовывала стычки с чешской полицией... Все закончилось восстанием судетских немцев и его разгромом чехами. Гитлер немедленно выступил защитником угнетенного меньшинства. Он предъявил ультиматум «угнетателям-чехам»: Судеты с немецким населением должны вернуться в лоно рейха!

Войска Гитлера с мая начали концентрироваться на границах Чехословакии. Он объявил, что Рейх аннексирует Судеты, чтобы спасти угнетенных судетских немцев от зверств чехов.

«Я окончательно решил при помощи военной акции уничтожить Чехословакию», — заявил Гитлер.

Это казалось наглым безумием — территориальная целостность Чехословакии была гарантирована множеством международных договоров, в том числе бессрочным договором с Францией, договором с нами и т. д.

Однако Гитлер не блефовал. Он жаждал войны, этот безумец верил: если англичане и французы поддержат чехов и начнут военные действия, его армия сможет победить. Но генералы фюрера в ужасе сверкали моноклями, выслушивая его речи. И действительно, Гитлер мог выставить всего 1,8 миллиона солдат, чехи — немногим меньше. И если бы к чехам присоединилась одна Франция или мы, не говоря уже об Англии, немцам пришлось бы уносить ноги.

Чешская армия давно готовилась к обороне и была в отличной форме. На горной территории Судет размещалась широко разветвленная система чешских укреплений, считавшихся неприступнейшими в Европе. Недаром Гитлер впоследствии, осматривая эти укрепления, пришел в ужас: «Мы подвергали себя большой опасности. Только теперь я понял, почему мои генералы меня удерживали».

Генералы не только удерживали Гитлера. Как сообщили мои агенты в Лондоне, немецкие генералы Бек и Гальднер — самые талантливые в вермахте — тайно отправили в Лондон своего представителя. Он сообщил английскому премьеру Чемберлену, что если Англия и Франция начнут военные действия против фюрера, они немедленно арестуют Гитлера. С этим представителем встретился глава оппозиции Черчилль и заверил его, что Англия не допустит надругательства над чехами и готова вступить в войну.

Но каково же было мое изумление, когда я получил от информаторов шифровку: в Лондоне после долгих обсуждений в кабинете министров Чемберлен решил не ввязываться в конфликт с Гитлером. В Англии слишком свежи раны прошедшей войны.

Как сказал кто-то из правительства: «Мы не можем умирать за города, названия которых невозможно произнести. Умирать за город Брно! Ужас!»

...Чемберлен решил заплатить Гитлеру Судетами за европейский мир. Англия уже начала по этому поводу секретные переговоры с Францией. Европейские демократии жертвовали демократией в самом центре Европы.

— Мы должны выиграть этот мир, — сказал на заседании кабинета Чемберлен.

Он думал тогда сберечь английскую кровь, чтобы... щедро пролить ее уже через пару лет.

Я узнал обо всем этом из надежнейших источников. В Англии на нас тогда работали величайшие агенты двадцатого столетия.

«ГОМИНТЕРН»

В истории их будут именовать «кембриджской пятеркой». О них напишут исследования, они станут одной из легенд века...

Их вербовка была триумфом Маркса — Ленина, «пятерку» завербовали не деньги, а идеи.

Досье на «кембриджцев» я получил впервые от своего агента Арнольда Д-ча в тридцатых годах. Именно тогда он появился в Коминтерне. Это был молодой словак, сын бедного учителя. Как и все мы тогда, Арнольд свято верил в коммунистическую идею. Был общителен, знал в совершенстве несколько языков и с восторгом принял предложение стать кадровым агентом Коминтерна. В начале тридцатых мы поселили его в Англии. По нашему предложению он поступил в Кембридж и успешно вошел в студенческую среду. Почему был выбран Кембридж? Трудно сейчас представить, но в этом храме английской науки функционировала мощная и совершенно открытая коммунистическая организация. Да, наш *новый мир* казался этим молодым и дерзким парням миром, способным указать стареющей Европе выход из пошлой обыденности сытой жизни.

Арнольд Д-ч стал там своим человеком и вскоре сообщил в Центр, что среди леваков Кембриджа есть три очень перспек-

тивных студента. Так я впервые услышал имена, известные ныне всему миру: Ким Филби, Гай Берджесс и Дональд Маклин. Потом к ним добавились еще двое столь же блестящих...

Действовали мы с ними осторожно. Сначала Арнольд разработал двоих — Филби и Маклина. Берджесса тронуть не решил. Слишком ярким и оттого опасным он показался Центру. Он был открытым геем и хвастался своей сексуальной ориентацией. Коба относился к гомосексуалистам брезгливо. Но досье Берджесса обещало многое. Я захотел проверить его на месте. Вылетел в Лондон.

Как приятно вспоминать первую половину тридцатых! Как легко было работать с молодежью в европейских столицах *до процессов тридцать седьмого года*. Нас тогда любили, нам верили.

В Кембридже царил особый дух. Молодые англичане обожают эпатировать. Все эти наследники Оскара Уайльда (в Кембридже было множество геев) радостно дразнили отцов-аристократов своей радикальностью в политике (коммунисты!) и в жизни (гомосексуалисты!). Помню, как я познакомился с Берджессом. Он являлся членом клуба «Апостолов» — знаменитого, очень закрытого кембриджского клуба интеллектуалов, в основном геев. Меня представил ему на заседании этого клуба Арнольд Д-ч.

Берджесс отнесся ко мне равнодушно, русский князь Д. был неинтересен английскому леваку.

В тот вечер Берджесс выступал. Он был великолепен. С быстрыми мальчишескими движениями, прекрасно сложенный — этакий английский красавец-сердцеед. Гомосексуализм в Англии был тогда вне закона, но он открыто говорил о своих пристрастиях. Он ими бравировал под аплодисменты зала. Потом перешел к политике. Речь его оказалась пророческой. Он предсказывал быстрый закат Британской империи, зло издевался над буржуазной культурой. Короче, это был интеллектуал самой высокой пробы. Но главное, парень обладал столь нужным разведчику дарованием — умел очаровывать.

Я подробно изучил его жизнь. Несмотря на беспорядочные связи и постоянное пристрастие к бутылке знаменитого рейнского вина «Молоко богородицы», он отменно учился. В отличие от нашего руководства я сразу оценил важность «Гомин-